

Александр Сергеевич Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах.

//Художественная литература, Москва, 1959

FB2: "Vitmaier ", 2007-02-09, version 1.0

UUID: 1C83E025-52DF-45D1-9747-DCF70DF8682B

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Сергеевич Пушкин

Анджело (Поэмы)

Содержание

Часть первая.....	0004
Часть вторая.....	0020
Часть третья.....	0039
Комментарий.....	0049

**Александр Сергеевич
Пушкин
АНДЖЕЛО**

Часть первая

I

*В одном из городов Италии
счастливой
Когда-то властвовал предобрый,
старый Дук,
Народа своего отец, чадолюбивый,
Друг мира, истины, художеств и
наук.
Но власть верховная не терпит
слабых рук,
А доброте своей он слишком пре-
давался.
Народ любил его и вовсе не боял-
ся.
В суде его дремал карающий за-
кон,
Как дряхлый зверь уже к ловитве
неспособный.
Дук это чувствовал в душе своей
незлойной
И часто сетовал. Сам ясно видел
он,
Что хуже дедушек с дня на день
были внуки,
Что грудь кормилицы ребенок уж*

кусал,
Что правосудие сидело сложа ру-
ки
И по носу его ленивый не щелкал.

II

Нередко добрый Дук, раская-
нием смущенный,
Хотел восстановить порядок упу-
щенный;
Но как? Зло явное, терпимое дав-
но,
Молчанием суда уже дозволено,
И вдруг его казнить совсем
несправедливо,
И странно было бы — тому же
особливо,
Кто первый сам его потворством
ободрял.
Что делать? долго Дук терпел и
размышлял;
Размыслив наконец, решился он
на время
Предать иным рукам верховной
власти бремя,
Чтоб новый властелин расправой
новой мог
Порядок вдруг завести и был бы

крут и строг.

III

Был некто Анджело, муж
опытный, не новый
В искусстве властвовать, обычаям суровый,
Бледнеющий в трудах, ученье и по-
сте,
За нравы строгие прославленный
езде,
Стеснивший весь себя оградой за-
конной,
С нахмуренным лицом и с волей
непреклонной;
Его-то старый Дук наместником
нарек,
И в ужас ополчил и милостью об-
лек,
Неограниченны права ему вручая.
А сам, докучного вниманья избе-
гая,
С народом не простясь, incognito,
один
Пустился странствовать, как
древний паладин.

IV

Лишь только Анджело вступил
во управление,
И всё тотчас другим порядком
потекло,
Пружинны ржавые опять пришли в
движенье,
Законы поднялись, хватая в ког-
ти зло,
На полных площадях, безмолвных
от боязни,
По пятницам пошли разыгры-
ваться казни,
И ухо стал себе почесывать народ
И говорить: «Эхе! да этот уж не
тот».

V

Между законами забытыми в
ту пору
Жестокий был один: закон сей из-
рекал
Прелюбодеею смерть. Такого при-
говору
В том городе никто не помнил,
не слышал.
Угрюмый Анджело в громаде уло-
женья
Отрыл его — и в страх повесам

городским
Опять его на свет пустил для исполнения,
Сурово говоря помощникам своим:
«Пора нам зло пугнуть. В балованном народе
Преобразились привычки уж в права
И шмыгают кругом закона на свободе,
Как мыши около зевающего льва.
Закон не должен быть пужало из тряпицы,
На коем наконец уже садятся птицы».

VI

Так Анджели на всех навел
невольно дрожь,
Роптали вообще, смеялась молодежь
И в шутках строгого вельможи
не щадила,
Меж тем как ветрено над бездною скользила,
И первый под топор беспечной головой

Попался Клавдио, патриций молодой.
В надежде всю беду со временем
исправить
И не любовницу, супругу в свет
представить,
Джюльету нежную успел он обол-
льстить
И к таинствам любви безбрачной
преклонить.
Но их последствия к несчастью
явны стали;
Младых любовников свидетели
застали,
Ославили в суде взаимный их по-
зор,
И юноше прочли законный пригово-
вор.

VII

Несчастный, выслушав жесто-
кое решение,
С поникшей головой обратно шел
в тюрьму,
Невольно каждому внушая сожа-
ление
И горько сетуя. На встречу вдруг
ему

Попался Луцио, гуляка беззабот-
ный,
Повеса, вздорный враль, но малый
доброхотный.
«Друг, — молвил Клавдио, — мо-
лю! не откажи:
Сходи ты в монастырь к сестре
моей. Скажи,
Что должен я на смерть идти;
чтоб поспешила
Она спасти меня, друзей бы упро-
сила,
Иль даже бы пошла к наместнику
сама.
В ней много, Луцио, искусства и
ума,
Бог дал ее речам уверчивость и
сладость,
К тому ж и без речей рыдающая
младость
Мягчит сердца людей». — «Из-
воль! поговорю»,
Гуляка отвечал, и сам к мона-
стырю
Тотчас отправился.

VIII

Младая Изабела

В то время с важною монахиней сидела.

Постричься через день она должна была

И разговор о том со старицей вела.

Вдруг Луцио звонит и входит. У решетки

Его приветствует, перебирая четки,

Полузатворница: «Кого угодно вам?»

— Девушка (и судя по розовым щекам,

Уверен я, что вы девушка в самом деле),

Не лъзя ли доложить прекрасной Изабеле,

Что к ней меня прислал ее несчастный брат?

«Несчастный?.. почему? что с ним? скажите смело:

Я Клавдио сестра». — Нет, право? очень рад.

Он кланяется вам сердечно. Вот в чем дело:

Ваш брат в тюрьме. — «За что?» — За то, за что бы я

Благодарил его, красавица моя,
И не было б ему иного наказанья.

—
(Тут он в подробные пустился
описанья,
Немного жесткие своею наготой
Для девственных ушей отшельни-
цы молодой,
Но со вниманием всё выслушала
дева
Без приторных причуд стыдливо-
сти и гнева.
Она чиста была душою как эфир.
Ее смутить не мог неведомый ей
мир
Своею суетой и праздными реча-
ми.)

— Теперь, — примолвил он, —
осталось лишь мольбами
Вам тронуть Анджело, и вот о
чем просил
Вас братец. — «Боже мой, — деви-
ца отвечала, —
Когда б от слов моих я пользы
ожидала!..
Но сомневаюсь; во мне не станет
сил...»

— Сомненья нам враги, — тот с

жаром возразил, —
Нас неудачею предатели страща-
ют
И благо верное достать не допу-
щают.
Ступайте к Анджело, и знайте
от меня,
Что если девица, колена преклоня
Перед мужчиною, и просит и ры-
дает,
Как бог он все дает, чего ни поже-
дает.

IX

Девица, отпросясь у матери
честной,
С усердным Луцио к вельможе по-
спешила
И, на колена встав, смиренною
мольбой
За брата своего наместника мо-
лила.
«Девица, — отвечал суровый чело-
век, —
Спасти его нельзя; твой брат
свой отжил век;
Он должен умереть». Заплакав,
Изабела

Склонилась перед ним и прочь иди
хотела,
Но добрый Луцио девицу удержал.
«Не отступайтесь так, — он тихо ей сказал, —
Просите вновь его; бросайтесь на колени,
Хватайтесь за плащ, рыдайте;
слезы, пени,
Все средства женского искусства вы должны
Теперь употребить. Вы слишком холодны.
Как будто речь идет меж вами про иголку.
Конечно, если так, не будет, верно, толку.
Не отставайте же! еще!»

Х

Она опять
Усердною мольбой стыдливо умолять
Жестокосердого блюстителя закона.
«Поверь мне, — говорит, — ни царская корона,
Ни меч наместника, ни бархат

судии,
Ни полководца жезл — все поче-
сти сии —
Земных властителей ничто не
украшает,
Как милосердие. Оно их возвыша-
ет.

Когда б во власть твою мой брат
был облечен,
А ты был Клавдио, ты мог бы
пасть как он,
Но брат бы не был строг, как
ты».

XI

Ее уко-

ром
Смущен был Анджело. Сверкая
мрачным взором,
«Оставь меня, прошу», — сказал
он тихо ей.
Но дева скромная и жарче и сме-
лей
Была час от часу. «Подумай, — го-
ворила, —
Подумай: если тот, чья правед-
ная сила
Прощает и целит, судил бы греш-

ных нас
Без милосердия; скажи: что было
б с нами?
Подумай — и любви услышишь в
сердце глас,
И милость нежная твоими дх-
нет устами,
И новый человек ты будешь».

XII

Он в от-
вет:
«Поди; твои мольбы пустая слов
утрата.
Не я, закон казнит. Спасти нельзя
мне брата,
И завтра он умрет».

Как завтра! что?
нет, нет.
Он не готов еще, казнить его не
можно...
Ужели господу пошлем неосто-
рожно
Мы жертву наскоро. Мы даже и
цыплят
Не бьем до времени. Так скоро не
казнят.

Спаси, спаси его: подумай в самом деле,
Ты знаешь, государь, несчастный осужден
За преступление, которое доселе
Прощалось каждому; пострададет первый он.

Закон не умирал, но был лишь в усыпленье,
Теперь проснулся он.

Будь милостив!

Не

льзя.
Потворствовать греху есть то же преступленье,
Карая одного, спасаю многих я.

Ты ль первый изречешь сей приговор ужасный?
И первой жертвою мой будет брат несчастный.
Нет, нет! будь милостив. Ужель душа твоя
Совсем безвинная? спросись у ней:
ужели

*И мысли грешные в ней отроду не
тлели?*

XIII

*Невольно он вздрогнул, поник-
нул головой
И прочь идти хотел. Она: «По-
стой, стой!
Послушай, воротись. Великими
дарами
Я задарю тебя... прими мои дары,
Они не суетны, но честны и доб-
ры,
И будешь ими ты делиться с небе-
сами:
Я одарю тебя молитвами души
Пред утренней зарей, в полунощ-
ной тиши,
Молитвами любви, смирения и
мира,
Молитвами святых, угодных небу
дев,
В уединении умерших уж для ми-
ра,
Живых для господ».*

*Смущен и при-
смирив,
Он ей свидание на завтра назнача-*

ет

И в отдаленные покои поспешает.

Часть вторая

I

День целый Анджели, безмолв-
ный и угрюмый,
Сидел, уединясь, объят одною ду-
мой,
Одним желанием; всю ночь не
тронул сон
Усталых вежд его. «Что ж
это? — мыслит он, —
Ужель ее люблю, когда хочу так
сильно
Услышать вновь ее и взор мой
усладить
Девичьей прелестью? По ней гру-
стит умильно
Душа... или когда святого уло-
вить
Захочет бес, тогда приманкою
святою
И манит он на крюк? Нескромной
красотою
Я не был отроду к соблазнам
увлечен,
И чистой девою теперь я побеж-
ден.

Влюбленный человек доселе мне
казался
Смешным, и я его безумству удив-
лялся.
А ныне!..»

II

Размышлять, молиться
хочет он,
Но мыслит, молится рассеянно.
Словами
Он небу говорит, а волей и мечта-
ми
Стремится к ней одной. В унынье
погружен,
Устами праздными жевал он имя
бога,
А в сердце грех кипел. Душевная
тревога
Его осилила. Правленье для него,
Как дельная, давно затверженная
книга,
Несносным сделалось. Скучал он;
как от ига,
Отречься был готов от сана свое-
го;
А важность мудрую, которой
столь гордился,

Которой весь народ бессмысленно
дивился,
Ценил он ни во что и сравнивал с
пером,
Носимым в воздухе летучим ве-
терком...

.....
По утрам к Анджели явилась Иза-
бела
И странный разговор с наместни-
ком имела.

III

Что скажешь?

Волю я твою пришла
узнать.

Ах, если бы ее могла ты угадать!..
Твой брат не должен жить... а
мог бы.

По-
чему же
Простить нельзя его?

Простить? что
в мире хуже

Столь гнусного греха? убийство
легче.

Да

’Так судят в небесах, но на земле
когда?

Ты думаешь? так вот тебе пред-
положенье:
Что если б отдали тебе на разре-
шенье
Оставить брата влечь ко плахе
на убой,
Иль искупить его, пожертвовав
собой
И плоть предав греху?

Скорее, чем ду-
шою,
Я плотью жертвовать готова.

Я с тобою
Теперь не о душе толкую... дело в
том:
Брат осужден на казнь; его спа-
сти грехом
Не милосердие ль?

Пред богом я го-

това

Душою отвечать: греха в том ни-
какого,

Поверь, и нет. Спаси ты брата
моего!

Тут милость, а не грех.

Спасешь ли

ты его,

Коль милость на весах равно с
грехом потянет?

О пусть моим грехом спасенье
брата станет!

(Коль только это грех.) О том го-
това я

Молиться день и ночь.

Нет, выслушай

меня,

Или ты слов моих совсем не пони-
маешь,

Или понять меня нарочно избега-
ешь,

Я проще изъяснюсь: твой брат
приговорен.

Так.

Смерть изрек ему решительно
закон.

Так точно.

Средство есть одно к
его спасенью.
(Все это клонится к тому предположенью,
И только есть вопрос и больше
ничего.)
Положим: тот, кто б мог один
спасти его
(Наперсник судии, иль сам по сану
властный
Законы толковать, смягчить их
смысл ужасный),
К тебе желаньем был преступ-
ным воспален
И требовал, чтоб ты казнь бра-
та искупила
Своим падением; не то — решит
закон.
Что скажешь? как бы ты в уме
своем решила?

Для брата, для себя решила бы
скорей,
Поверь, как яхонты носить рубцы
бичей
И лечь в кровавый гроб спокойно,
как на ложе,
Чем осквернить себя.

Твой брат

умрет.

Т

ак что же?
Он лучший путь себе, конечно, из-
берет.
Бесчестием сестры души он не
спасет.
Брат лучше раз умри, чем гиб-
нуть мне навечно.

За что ж казалось тебе бесчело-
вечно
Решение суда? Ты обвиняла нас
В жестокосердии. Давно ль еще?
Сейчас
Ты праведный закон тираном на-
зывала,
А братний грех едва ль не шуткой

почитала.

Прости, прости меня. Невольно я
душой

Тогда лукавила. Увы! себе самой
Противуречила я, милое спасая
И ненавистное притворно изви-
няя.

Мы слабы.

Я твоим признаньем
ободрен.

Так женщина слаба, я в этом
убежден

И говорю тебе: будь женщина, не
боле —

Иль будешь ничего. Так покорися
воле

Судьбы своей.

Тебя я не могу по-
нять.

Поймешь: люблю тебя.

Увы! что мне
сказать?

Джюльету брат любил, и он

умрет, несчастный.

Люби меня, и жив он будет.

Знаю:

*властный
Испытывать других, ты хочешь...*

Нет,

*клянусь,
От слова моего теперь не ото-
прусь;
Клянуся честью.*

*О много, много че-
сти!
И дело честное!.. Обманщик! Де-
мон лести!
Сей час мне Клавдио свободу под-
пиши,
Или поступок твой и черноту ду-
ши
Я всюду разглашу — и полно лице-
мерить
Тебе перед людьми.*

*И кто же ста-
нет верить?*

По строгости моей известен свету я;
Молва всеобщая, мой сан, вся жизнь моя
И самый приговор над братней головою
Представят твой донос безумной клеветою.
Теперь я волю дал стремлению страстей.
Подумай и смирись пред волею моей;
Брось эти глупости: и слезы, и мольбу,
И краску робкую. От смерти, от мученья
Тем брата не спасешь. Покорностью одной
Искупишь ты его от плахи роковой.
До завтра от тебя я стану ждать ответа.
И знай, что твоего я не боюсь извета.
Что хочешь говори, не пошатнуся я.
Всю истину твою низвергнет ложь моя.

IV

Сказал и вышел вон, невинную
девицу
Оставляя в ужасе. Поднявши к небесам
Молящий, ясный взор и чистую
десницу,
От мерзостных палат спешит
она в темницу.
Дверь отворилась ей; и брат ее
глазам
Представился.

V

В цепях, в унынии глу-
боком,
О светских радостях стараясь не
жалеть,
Еще надеясь жить, готовясь умереть,
Безмолвен он сидел, и с ним в плаще
широком
Под черным куколом с распятием
в руках
Согбенный старостью беседовал
монах.
Старик доказывал страдальцу
молодому,

Что смерть и бытие равны одна
другому,
Что здесь и там одна бессмерт-
ная душа
И что подлунный мир не стоит
ни гроша.
С ним бедный Клавдио печально
соглашался,
А в сердце милою Джюльетой за-
нимался.
Отшельница вошла: «Мир
вам!» — очнулся он
И смотрит на сестру, мгновенно
оживлен.
«Отец мой, — говорит монаху
Изабела, —
Я с братом говорить одна бы
здесь хотела».
Монах оставил их.

VI

Что ж, милая
сестра,
Что скажешь?

Милый брат, пришла
тебе пора.

Так нет спасенья?

Нет, иль разве по-
платиться
Душой за голову?

Так средство есть
одно?

Так, есть. Ты мог бы жить. Судья
готов смягчиться.
В нем милосердие бесовское: оно
Тебе дарует жизнь за узы муки
вечной.

Что? вечная тюрьма?

Тюрьма — хоть
без оград,
Без цепи.

Изъяснись, что ж это?

Друг
сердечный,
Брат милый! Я боюсь... Послушай,
милый брат,
Семь, восемь лишних лет ужель

тебе дорожке
Всегдашней чести? Брат, боишься
ль умереть?
Что чувство смерти? миг. И
много ли терпеть?
Раздавленный червяк при смерти
терпит то же,
Что терпит великан.

Сестра! или я
трус?
Или идти на смерть во мне не
станет силы?
Поверь, без трепета от мира от-
решусь,
Коль должен умереть; и встречу
ночь могилы,
Как деву милую.

Вот брат мой!
узнаю;
Из гроба слышу я отцовский го-
лос. Точно:
Ты должен умереть; умри же бес-
порочно.
Послушай, ничего тебе не утаю:
Тот грозный судия, святоша тот
жестокий,

Чьи взоры строгие во всех родят
боязнь,
Чья избранная речь шлет отро-
ков на казнь,
Сам демон; сердце в нем черно,
как ад глубокий,
И полно мерзостью.

Наместник?

Ад об-

лек
Его в свою броню. Лукавый чело-
век!..
Знай: если б я его бесстыдное же-
ланье
Решилась утолить, тогда бы мог
ты жить.

О нет, не надобно.

На гнусное свида-
нье,
Сказал он, нынче в ночь должна я
поспешить,
Иль завтра ты умрешь.

Нейди, сестра.

ат милый!

Бог видит: ежели одной моей могилой

Могла бы я тебя от казни искупить,

Не стала б более иголки дорожить

Я жизнь мою.

Благодарю, друг милый!

Так завтра, Клавдио, ты к смерти будь готов.

Да, так... и страсти в нем кипят с такою силой!

Иль в этом нет греха; иль из семи грехов

Грех это меньший?

Как?

Такого прегрешенья

Там, верно, не казнят. Для одного мгновенья

Ужель себя сгубить решился б он
навек?

Нет, я не думаю. Он умный чело-
век.

Ах, Изабела!

Что? что скажешь?

Смерт

ь ужасна!

И стыд ужасен.

Так — однако ж...

умереть,

Идти неведомо куда, во гробе
тлеть

В холодной тесноте... Увы! земля
прекрасна

И жизнь мила. А тут: войти в
немую мглу,

Стремглав низвергнуться в кипя-
щую смолу,

Или во льду застыть, иль с вет-
ром быстротечным

Носиться в пустоте простран-
ством бесконечным...

И всё, что грезится отчаянной

мечте...

Нет, нет: земная жизнь в болез-
ни, в нищете,

В печалях, в старости, в неволе...
будет раем

В сравненье с тем, чего за гробом
ожидаем.

О боже!

Друг ты мой! Сестра! поз-
воль мне жить.

Уж если будет грех спасти от
смерти брата,
Природа извинит.

Что смеешь гово-
рить?

Трус! тварь бездушная! от сест-
рина разврата

Себе ты жизни ждешь!.. Крово-
смеситель! нет,

Я думать не могу, нельзя, чтоб
жизнь и свет

Моим отцом тебе даны. Прости
мне, боже!

Нет, осквернила мать отеческое
ложе,

*Коль понесла тебя! Умри. Когда
бы я
Спассти тебя могла лишь волею
моею,
То всё-таки б теперь свершилась
казнь твоя.
Я тысячу молитв за смерть
твою имею,
За жизнь — уж ни одной...*

*Сестра, по-
стой, постой!
Сестра, прости меня!*

VII

*И узник моло-
дой
Удерживал ее за платье. Изабела
От гнева своего насилу охладела,
И брата бедного простила, и
опять,
Лаская, начала страдальца уте-
шать.*

Часть третья

I

Монах стоял меж тем за дверью отпертою
И слышал разговор меж братом
и сестрою.
Пора мне вам сказать, что стар-
рый сей монах
Не что иное был, как Дук переоде-
тый.
Пока народ считал его в чужих
краях
И сравнивал, шутя, с бродящею
кометой,
Скрывался он в толпе, всё видел,
наблюдал
И соглядатаем незримым посе-
щал
Палаты, площади, монастыри,
больницы,
Развратные дома, театры и тем-
ницы.
Воображение живое Дук имел;
Романы он любил, и может
быть, хотел
Халифу подражать Гаруну Аль-

Рашиду[1].
Младой отшельницы подслушав
весь рассказ,
В растроганном уме решил он
тот же час
Не только наказать жестокость
и обиду,
Но сладить кое-что... Он тихо в
дверь вошел,
Девицу отозвал и в уголок отвел.
«Я слышал всё, — сказал, — ты по-
хвалы достойна,
Свой долг исполнила ты свято; но
теперь
Предайся ж ты моим советам.
Будь покойна,
Всё к лучшему придет; послушна
будь и верь».
Тут он ей объяснил свое предполо-
жение
И дал прощальное свое благосло-
венье.

II

Друзья! поверите ль, чтоб
мрачное чело,
Угрюмой, злой души печальное
зерцало,

Желанья женские навеки привязало
И нежной красоте понравиться
могло?
Не чудно ли? Но так. Сей Андже-
ло надменный,
Сей злобный человек, сей греш-
ник — был любим
Душою нежною, печальной и сми-
ренной,
Душой, отверженной мучителем
своим.
Он был давно женат. Летунья
легкокрыла,
Младой его жены молва не поща-
дила,
Без доказательства насмешливо
коря;
И он ее прогнал, надменно говоря:
«Пускай себе молвы неправо обви-
нение,
Нет нужды. Не должно коснуть-
ся подозренье
К супруге кесаря». С тех пор она
жила
Одна в предместьи, печально из-
нывая.
Об ней-то вспомнил Дук, и дева

молодая
По наставлению монаха к ней по-
шла.

III

Марьяна под окном за пряжею
сидела
И тихо плакала. Как ангел, Изабе-
ла
Пред ней нечаянно явилась у две-
рей.
Отшельница была давно знакома
с ней
И часто утешать несчастную хо-
дила.
Монаха мысль она ей тотчас объ-
яснила.
Марьяна, только лишь настанет
ночи мгла,
К палатам Анджело идти долж-
на была,
В саду с ним встретиться под ка-
менной оградой
И, наградив его условленной на-
градой,
Чуть внятным шепотом, проща-
ясь, шепнуть
Лишь только то: теперь о брате

не забудь.
Марьяна бедная сквозь слезы улы-
балась,
Готовилась дрожа — и дева с ней
рассталась.

IV

Всю ночь в темнице Дук послед-
ствий ожидал
И, сидя с Клавдио, страдальца
утешал.
Пред светом снова к ним явилась
Изабела.
Всё шло как надобно: сейчас у ней
сидела
Марьяна бледная, с успехом воз-
вратясь
И мужа обманув. Денница заня-
лась —
Вдруг запечатанный приказ при-
носит вестник
Начальнику тюрьмы. Читают:
что ж? Наместник
Немедля узника приказывал каз-
нить
И голову его в палаты предъ-
явить.

V

Замыслив новую затею, Дук
представил
Начальнику тюрьмы свой пер-
стень и печать
И казнь остановил, а к Анджело
отправил
Другую голову, велев обрить и
снять
Ее с широких плеч разбойника
морского,
Горячкой в ту же ночь умершего в
тюрьме,
А сам отправился, дабы вельмо-
жу злого,
Столь гнусные дела творящего во
тьме,
Пред светом обличить.

VI

Едва молва
невнятно
О казни Клавдио успела пробе-
жать,
Пришла другая весть. Узнали, что
обратно
Ко граду едет Дук. Народ его
встречать
Толпами кинулся. И Анджело сму-

щенный,
Грызомый совестью, предчувстви-
ем стесненный,
Туда же поспешил. Улыбкой доб-
рый Дук
Приветствует народ, теснящий-
ся вокруг,
И дружно к Анджело протягива-
ет руку.
И вдруг раздался крик — и прямо
в ноги Дуку
Девуца падает. «Помилуй, госу-
дарь!
Ты щит невинности, ты милости
алтарь,
Помилуй!..» — Анджело бледнеет
и трепещет
И взоры дикие на Изабелу ме-
щет...
Но победил себя. Оправиться
успев,
«Она помешана, — сказал он, —
видев брата,
Приговоренного на смерть. Сия
утрата
В ней разум потрясла...»
Но обнаружжа
гнев

*И долго скрытое в душе негодова-
нье,
«Всё знаю, — молвил Дук; — всё
знаю! наконец
Злодейство на земле получит воз-
даянье.
Девуца, Анджели! за мною, во дво-
рец!»*

VII

*У трона во дворце стояла Мари-
на
И бедный Клавдио. Злодей, увидев
их,
Затрепетал, челом поникнул и
утих;
Все объяснилось, и правда из ту-
мана
Возникла; Дук тогда: «Что, Ан-
джело, скажи,
Чего достоин ты?» Без слез и без
боязни,
С угрюмой твердостью тот от-
вечает: «Казни.
И об одном молю: скорее прика-
жи
Вести меня на смерть».
«Иди, — сказал*

властитель, —

Да гибнет судия — торгош и обольститель».

Но бедная жена, к ногам его упав,
«Помилуй, — молвила, — ты, мужа мне отдав,
Не отымай опять; не смейся надо мною».

— «Не я, но Анджелио смеялся над тобою, —

Ей Дук отвечает, — но о твоей судьбе

Сам буду я пещись. Останутся тебе

Его сокровища, и будешь ты награда

Супругу лучшему». — «Мне лучшего не надо.

Помилуй, государь! не будь неумолим,

Твоя рука меня соединила с ним!
Ужели для того так долго я вдовела?

Он человечеству свою принес лишь дань.

Сестра! спаси меня! друг милый, Изабела!

Проси ты за него, хоть на колени

стань,
Хоть руки подыми ты молча!»

Изабела

Душой о грешнике, как ангел, по-
жалела

И, пред властителем колена пре-
клоня,

«Помилуй, государь, — сказала. —
За меня

Не осуждай его. Он (сколько мне
известно,

И как я думаю) жил праведно и
честно,

Покаместь на меня очей не
устремил.

Прости же ты его!»

И Дук его про-

стил.

Комментарий

Написано в 1833 г., напечатано в 1834 г. Представляет собой пересказ в форме поэмы комедии Шекспира «Мера за меру». Сюжет пьесы Шекспира взят из итальянской новеллы XVI в. Неизвестно, знал ли это Пушкин, но его поэма является прекрасной, высокохудожественной стилизацией итальянской новеллы эпохи Возрождения. Простодушно-важный, иногда слегка шутливый тон рассказа, длинный, шестистопный стих со свободной рифмовкой, придающий повествованию спокойствие и торжественность, отдельные короткие эпизоды, из которых складывается поэма, частые диалоги, представляющие собой великолепный перевод соответствующих мест шекспировской комедии, — все это прекрасно воспроизводит и стиль и всю атмосферу эпохи.

Образы драм Шекспира восхищали Пушкина глубиной психологической характеристики и, главное, близкой к подлинной жизни широтой, разнообразием и противоречивостью черт их характеров. «Лица, созданные

Шекспиром, — писал он, — но суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока; но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства развивают перед зрителями их разнообразные и многосторонние характеры» («Table-talk»). Пушкин сопоставляет два, образа лицемера — шекспировского Анджело и мольеровского Тартюфа. «У Мольера лицемер волочитя за женою своего благодетеля — лицемера; принимает имение под сохранение — лицемера; спрашивает стакан воды — лицемера. У Шекспира лицемер произносит судебный приговор с тщеславною строгостию, но справедливо; он оправдывает свою жестокость глубокомысленным суждением государственного человека; он обольщает невинность сильными, увлекательными софизмами, не смешною смесию набожности и волокитства. Анджело лицемер — потому что его гласные действия противуречат тайным страстям! А какая глубина в атом характере!» (там же).

По-видимому, Пушкин раньше думал просто перевести «Мера за меру» Шекспира. Со-

хранилось начало этого перевода[2].

С. М. Бонди

Примечания

1

В арабских сказках «Тысяча и одна ночь» рассказывается, что халиф Гарун Аль-Рашид ходил переодетым по Багдаду, чтобы узнать правду о жизни своих подданных.

[^^^]

Перевод начала комедии Шекспира «Мера за меру»

*Вам объяснять правления начала
Излишним было б для меня тру-
дом.*

*Не нужно вам ничьих советов.
Знаньем*

*Превыше сами вы всего. Мне толь-
ко*

*Во всем на вас осталось поло-
житься.*

*Народный дух, законы, ход правле-
нья*

*Постигли вы верней, чем кто б
то ни был.*

*Вот вам наказ: желательнo б
нам было,*

*Чтоб от него не отшатнулись
вы.*

Позвать к нам Анджело.

Каков он бу-

дет

*По мненью вашему на нашем ме-
сте?*

Вы знаете, что нами он назначен

Нас заменить в отсутствии, что
мы
И милостью и страхом облекли
Наместника всей нашей власти,
что же
Об нем вы мните?

Если в целой Вене
Сей почести достоин кто-нибудь,
Так это Анджело.

Вот он идет.

Послушен вашей милостивой во-
ле,
Спешу принять я ваши приказа-
нья.

Анджело, жизнь твоя являет
То, что с тобою совершится
впредь.

[^^^]